

— Да, чтобы как следует компенсировать тебе, брат Хуаньси сегодня вечером тоже не уйдет.

Тань Хуаньси, одев Мо Сьюаня, посадил его на пол и взял за руку.

— Сначала пойдем умываться и чистить зубы, а после завтрака отправимся гулять. Сьюань, ты хочешь в парк развлечений или в зоопарк?

Мо Сьюань наклонил голову набок, задумавшись:

— Хочу и в парк развлечений, и в зоопарк... Брат Хуаньси, давай на этой неделе сходим в парк развлечений, а на следующей — в зоопарк, хорошо?

— Ты уж слишком многого хочешь.

— Хе-хе, брат Хуаньси, ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

— Хорошо, хорошо, все, как ты хочешь. Но ты должен хорошо заниматься на скрипке, понимаешь? Иначе никуда не пойдем.

— Слушаюсь!

Мо Шаньшань с улыбкой наблюдала, как Тань Хуаньси и Мо Сьюань исчезли за дверью ванной, затем повернулась к Мо Шаохэну, чье выражение лица стало мягким:

— Хуаньси действительно очень терпелив. Он искренне заботится о Сьюане, и всего за две недели он сделал его таким активным и жизнерадостным.

Мо Шаохэн ненадолго задумался и сказал:

— У Сьюаня большой талант к скрипке, он очень похож на него.

— На него? — Мо Шаньшань поняла. — Вы говорите о старшем Нин Сюэ? Я давно слышала, что талант Нин Сюэ к скрипке не уступал Хуаньси. Если бы он не отказался от игры на скрипке ради семейного бизнеса, сейчас он бы, вероятно, достиг того же уровня, что и Хуаньси. Это действительно очень жаль.

Мо Шаохэн взглянул на нее, и его взгляд заставил Мо Шаньшань задуматься. Она сказала что-то, что стоило обдумать? И она всегда чувствовала, что дядя испытывает к Тань Хуаньси особую близость и доверие. Хотя она не знала, как дядя относился к Нин Сюэ раньше, но, судя по словам Ци Фэньюя и Хэ Цзиньби, дядя, должно быть, любил Нин Сюэ, иначе он не усыновил бы Мо Сьюаня.

Мо Шаньшань покачала головой. Все это уже в прошлом, и сейчас не стоит об этом думать. Если дядя действительно сможет отпустить свои чувства к Нин Сюэ, она будет рада видеть, как он сближается с Тань Хуаньси. Прошло уже семь лет, и дядя уже не молод. Он не может провести всю жизнь в одиночестве с Мо Сьюанем. Она искренне надеется, что у дяди появится кто-то, кто будет рядом с ним, будь то мужчина или женщина, главное, чтобы они искренне любили друг друга. Тогда она сможет быть спокойна.

Если этим человеком окажется Тань Хуаньси, она будет счастлива, ведь вряд ли кто-то другой сможет так заботиться о Мо Сьюане.

Всей семьей Мо дядя был единственным, кто искренне заботился о ней. В детстве она не была любимицей бабушки, а родители привыкли во всем подчиняться бабушке, поэтому даже если

они хотели проявить заботу, делали это скрытно, иногда даже пренебрегая ею. Позже дядя забрал ее из дома Мо.

Для нее дядя был настоящим родственником, поэтому, когда он привел Мо Сьюаня, она, зная, что дядя очень занят, взяла на себя заботу о малыше. Для нее дом с дядей и Сьюанем был настоящим домом, а тот дом был слишком холодным и эгоистичным.

В парке развлечений в выходные царил оживленная атмосфера, у больших аттракционов выстраивались длинные очереди, а с высоты периодически доносились крики.

Тань Хуаньси сидел на скамейке, подняв голову к яркому, но теплому солнцу. Погода сегодня была идеальной для прогулок. Окружающий смех и радость, казалось, передались и ему, и, оглядываясь вокруг, он невольно улыбнулся.

— Хорошо, что Сьюань еще маленький, и многие аттракционы ему пока недоступны, иначе за весь день мы бы успели посетить лишь несколько, — Тань Хуаньси смотрел на Мо Сьюаня, которого Мо Шаньшань вела за руку, стоя в очереди за молочным чаем. Малыш сегодня был в восторге, с энтузиазмом бегая туда-сюда, совсем не уставая.

Мо Шаохэн откинулся на спинку скамейки, но его выражение лица было слегка напряженным, словно он не привык к такой шумной обстановке.

Тань Хуаньси, заметив его выражение, вдруг рассмеялся:

— Дядя Мо, вы, случайно, никогда раньше не были в парке развлечений?

Мо Шаохэн, даже будучи разоблаченным, не смутился и спокойно ответил:

— В детстве не было времени, да и не разрешали.

Тань Хуаньси немного понял. Семья Нин в городе S была одной из самых влиятельных, но по сравнению с семьями Мо и Тань, они все же уступали. В его детстве, даже если свободы было мало, хотя бы была возможность выйти погулять. А когда он поступил в университет, он тоже приходил в парк развлечений с друзьями.

— Потом просто не было возможности, — продолжил Мо Шаохэн, его тон был спокойным.

— Тогда почему дядя Мо сегодня согласился пойти с нами в парк развлечений?

Тань Хуаньси, кажется, понял намек Мо Шаохэна. С самого начала он заметил телохранителей, которые следовали за ними, притворяясь обычными посетителями. Он с легким беспокойством добавил:

— Дядя Мо, вам не следовало бы приходить сюда.

Положение Мо Шаохэна было особенным. Как бы ни была велика семья Мо, они не были единственными, и его появление на людях означало подвергать себя опасности. Тем более, в парке развлечений было шумно и многолюдно, и хотя телохранители могли притвориться посетителями, те, кто хотел бы навредить Мо Шаохэну, тоже могли скрыться среди толпы. Но Мо Шаохэн не должен был быть так неосторожен, он должен был учесть эти базовые вещи.

Тань Хуаньси вдруг вспомнил кое-что, его глаза широко раскрылись, и он невольно повернулся к Мо Шаохэну. Тот улыбнулся, уголки его губ приподнялись:

— Не зря ты дядя Мо, мои опасения, видимо, были лишними. Даже если кто-то захочет воспользоваться моментом, им придется подумать, чья это территория. Я думаю, никто не осмелится устроить беспорядки на территории семьи Шэн.

Мо Шаохэн расслабился, откинувшись на спинку скамейки, и с загадочным выражением посмотрел на Тань Хуаньси. Ненадолго задумавшись, он как бы невзначай спросил:

— А ты? Наверное, тоже не было возможности бывать в таких местах?

— Я...

Тань Хуаньси чуть не выпалил о своем опыте в теле Нин Сюэ, но вовремя остановился и, сделав вид, что сохраняет спокойствие, ответил:

— С самого рождения мои родители планировали каждый мой шаг. В три года я начал учиться играть на скрипке.

Мо Шаохэн смотрел на Тань Хуаньси, который спокойно продолжил:

— С детства у меня не было не только парка развлечений, но даже игрушек. До трех лет моими игрушками были модели музыкальных инструментов, а после трех и они исчезли. Я помню, как однажды, когда мне было около пяти лет, я тайком взял одну из моделей, чтобы поиграть, и случайно порезал палец. Мама очень разозлилась и на моих глазах разбила все модели.

Это событие оставило глубокий след в душе оригинала, и даже теперь, когда его душа уже заменила ту, Тань Хуаньси все еще помнил гневное выражение лица матери оригинала. Ему тогда было всего пять лет, и он был настолько напуган, что даже забыл плакать. С тех пор он больше не играл с игрушками и еще усерднее занимался скрипкой, боясь снова увидеть гнев матери.

Родители оригинала умерли десять лет назад, и Тань Хуаньси не помнил их хорошо. Судя по воспоминаниям оригинала и портретам, висевшим в холле его дома, его родители были очень мягкими людьми, обладающими элегантностью художников.

— Поэтому мое детство, возможно, было еще более однообразным, чем у дяди Мо. Кроме занятий, у меня ничего не было. Когда я немного подрос, семья начала отправлять меня на различные соревнования и выступления, пока я не поднялся на мировую сцену, — Тань Хуаньси повернулся к Мо Шаохэну с легкой улыбкой.

Мо Шаохэн, глядя на него, вдруг спросил:

— Насколько я знаю, у тебя есть братья и сестры примерно твоего возраста.

Тань Хуаньси тихо рассмеялся:

— Дядя Мо, вы, наверное, шутите?

Мо Шаохэн рассмеялся:

— Ты все видишь очень четко.

Тань Хуаньси вдруг горько усмехнулся:

— Дядя Мо, вы слишком высоко меня цените. Если бы я действительно видел все так ясно, мои

родители не ушли бы так рано, и несколько месяцев назад мне не пришлось бы провести два с лишним месяца в коме. Даже стоя на самой высокой сцене, обладая большей властью, славой, положением и деньгами, всегда найдется что-то более привлекательное, что заставит людей бороться, не гнушаясь никаких средств.

Мо Шаохэн едва заметно нахмурился:

— Ты подозреваешь, что те две аварии не были случайностью?

<http://bllate.org/book/16668/1528568>